

Розыгрыш длиною в роман

Чего и следовало ожидать от Никиты Богословского

Что-то меня потянуло на изящную литературу. Видимо, с эстетической голодухи. Уж этим-то нас не баловали. Ну напомните мне что-нибудь. Могу подсказать — Фазиль Искандер, Василий Аксенов, Сергей Довлатов. Как говорится, вкусно, но мало. У меня же просто «авитаминоз» — моему организму недодано умного веселья, умного лукавства. Меня развлекают скукой.

Собрался написать о романе Никиты Богословского «Завещание Глинки», а все о себе талдычу. Но, видимо, накопилось. А тут как раз случай представился поныть.

Так вот о чем я ною. Конечно, «Улисс» Джойса — занятие почтенное. Но как насчет персонажей плутовского толка? Ну Жиль Блаз. Который у Лесажа. Ну Невзоров. Я имею в виду, естественно, который у Алексея Толстого. Но когда это бы-

ло! Нынешние авторы сами плутуют, а персонажей плутовских не жалуют. И addirittura решился Никита Богословский. Чего, впрочем, от него следовало ожидать. От него, как известно, невесть что можно ожидать.

Давайте сразу поставим точки над всеми буквами. Никите Владимировичу как литератору далеко и до Лесажа, и до Довлатова. Впрочем, те отстали от него в написании музыки. Так что квиты. Богословскому, о чем он догадывается, точно так же далеко и до Алексея Николаевича, и до Фазиля Абдуловича. Зато Богословский очень близок к Никите Владимировичу. И этого у него не отнимешь. Он великолепен владеет весельем, шалостью, если угодно, ерничеством. Он как бы из беззаботных, но озабоченных людей. В этом романе он лу-

каво озабочен бытоисканиями своих коллег-композиторов.

Собственно, это роман-розыгрыш. То есть занятие, пожизненно присущее плутовски настроенному Никите Владимировичу. Писатели обычно в терзаниях — что им делать со своим героем? У Богословского таким терзаниям и не с чего быть, все ясно — героя надо разыгрывать. И некий Тер-Фужеров, «сочинитель музыки», неведомым образом получает письмо, где сообщается о таинственном завещании великого композитора Глинки, в котором тот раскрывает секрет, «как сочинять музыку такую, чтобы повсюду ее хвалили и чтобы сочинивший ее повсеместно знаменит стал». И незадачливый Тер-Фужеров бросается на поиски этого полезного завещания.

Конечно, ужасно хочется пересказать содержание ро-

мана. Но, будучи человеком (по отношению к читателям) не злодейским, я этого делать не стану. Да и увлекательность не столько в каскаде приключений, сколько в сути их содержания. Во всяком случае вам доведется побывать в таких дебрях по классу композиции, что в другой раз и не доведется. А Никите Владимировичу тут есть что вспомнить. Его самого грижды исключали из Союза композиторов.

Конечно, я так и расцветаю ироничной шуткой, что Богословский — самый крупный писатель среди композиторов и самый крупный композитор среди писателей. Простим мне эту редкостно удачную шутку. Однако не каждый писатель (даже композитор) изыщет прелестное наблюдение: «Роман задумчиво посмотрел троллейбусу вслед, в его удаляющийся чеховский анфас — два стекла и шнурок

от пенсне». Я после прочтения увидел троллейбус сзади и рассмеялся. Веселый, неожиданный взгляд на окружающий мир — очень удачное качество Богословского. Он утверждает, что это у него от деда-камергера. Веселые, однако, камергеры, видать, на Руси были.

Ну, конечно же, в романе есть и ненужные длинноты, и недофилиграненные, поспешные фразы. Да и несколько «непринужден» автор в композиции своего произведения. Возможно, последнее объясняется тем, что писать (и издавать) свой роман он начал еще в 1951 году. Впрочем, и сам автор в посвящении к книге не удивляется тому, что его роман так долго не хотели издавать. Он ведь понятливый. Когда прочитаете, тоже поймете. Вы ведь тоже понятливые.